

ПАТРИОТИЧЕСКИЕ ЧУВСТВА КАК МОДУС ЭТНИЧЕСКОЙ (ВОСТОЧНО-СЛАВЯНСКОЙ) МЕНТАЛЬНОСТИ: ФИЛОСОФСКИЙ АСПЕКТ

В. Н. Яхно

Гомельский государственный технический университет имени П. О. Сухого, Беларусь

Менталитет как обобщенное, образно-метафорическое понятие часто используется для обозначения совокупности и специфической формы организации, психических свойств и качеств человека, а также способа его мышления и даже умонастроений. Со временем в социальной философии понятие «менталитет» стало использоваться и для описания в обобщенном виде свойств и особенностей организации этнического, социального и политического сознания и самосознания людей (Л. Леви-Брюль, Л. Февр, М. Блок и др.). В культурно-антропологической и философской литературе существует довольно распространенная точка зрения, согласно которой этнический менталитет имеет двойственную сущность. С одной стороны, это психологические, иногда подсознательные, природные, биологические, а с другой – социальные, культурные, привитые воспитанием начала, которые находятся в единстве и целостности. Сторонники биосоциальной трактовки этнического менталитета делают акцент на бессознательном, автоматическом, стандартизируемом действии ментальных структур. И это служит основанием для утверждения положения о «генетической обусловленности этнического менталитета». Концепция биосоциальной природы этнического менталитета отталкивается от учения о коллективном бессознательном К. Г. Юнга, а также основана на взглядах о природе мыслительных автоматизмов И. Канта, Ф. Энгельса и Ж. Пиаже. Интересная модель трехуровневой структуры этнической ментальности была предложена украинским философом Р. Н. Додоновым. В работе «Теория ментальности: Учение о детерминантах мыслительных автоматизмов» он анализирует содержание и структуру этнического менталитета и показывает механизм их формирования и передачи из поколения в поколение. Однако приоритет постановки указанной проблемы принадлежит Л. Н. Гумилеву, который «энергетический уровень менталитета» обозначает понятием «пассионарность». По Гумилеву, это характерологическая доминанта, необратимое внутреннее стремление, возникающее у особей той или иной этнической популяции. «Модусы пассионарности» разнообразны: здесь и гордость, и жажда власти, славы, и тщеславие и, конечно, патриотизм.

Указанная модель этнической ментальности, на наш взгляд, не объясняет более «высокий» или сложный уровень проявления ментальности, который действует в сфере морали, права, искусства, политики. Кроме того, сам биосоциальный подход к объяснению механизмов передачи ментальных структур не стыкуется с выводом генетики о том, что фенотипические признаки, приобретенные в процессе жизнедеятельности данных особей, не закрепляются в генотипе и не передаются по наследству генным путем.

В рамках социокультурного подхода этнический менталитет – это своеобразная память народа о прошлом, психологическая детерминанта поведения большинства людей, «верных своему исторически сложившемуся коду» в любых обстоятельствах, даже

кризисных. А. П. Бутенко, Ю. В. Колесниченко характеризовали этнический менталитет как «выражение на уровне культуры народа исторических судеб страны, некоего единства характера, исторических задач и способов их решения, закрепившихся в народном сознании, в культурных стереотипах» [1, с. 99]. Для восточно-славянского этноса важным элементом этого «единства характера» является патриотизм. При этом патриотизм обязательно, оказывается, связан с социальными представлениями, с идеалами справедливости. Возможно, поэтому у большей части известных дореволюционных российских философов русская идея формулировалась как вселенская правда, как всеединство. Укоренялось убеждение, что мы не только за себя – мы за мир в ответе.

Интересен в этой связи патриотический дискурс, который особенно громко зазвучал в начале XX в. в связи с известными историческими событиями. Так, Е. Н. Трубецкой пропагандирует патриотизм христианский, связанный с защитой нравственных принципов веры от государственного произвола. О необходимости истинного патриотизма, дабы стала возможной победа истинного христианства над антихристианством, пишет Д. С. Мережковский. Патриотизм христианский, но «православный» исследуют С. Н. Булгаков, В. Ф. Эрн, отчасти Вячеслав Иванов. Они подчеркивают: православный патриотизм – это сила, которая должна возродить традиции «Святой Руси», истинный дух славян и раскрыть возможности православной культуры. Наконец, патриотизм, вытекающий из желания познать подлинную природу, смысл исторического пути и место во всемирной истории восточно-славянского этноса рассматривают С. Л. Франк и Н. А. Бердяев. Немаловажное значение было отведено и патриотизму «великодержавному», который проповедовали С. А. Котляревский и П. Б. Струве. Патриотизм в данном случае – мощное эмоциональное чувство любви к родине, отношение, выражающееся в готовности служить ей и защищать ее от врагов. Именно данный вариант понимания патриотизма – беззаветная преданность с героическим уклоном и готовностью к самопожертвованию был наследован советскими людьми. Безусловно, чувство общности со своей страной, народом, культурой, славной историей – одно из главных условий психического здоровья общества, нормальной самоидентификации человека, поколения, общества. В течение многих десятилетий у нас культивировался вполне оправданный тип патриотизма, который теперь мы так и называем советским, иногда «державным», или «имперским». Официально ему даже соответствовала определенная система воспитания, которая считалась «военно-патриотической». Этот вид патриотизма идеально вписывался в общую идеологическую систему социалистического, коллективистского общества. Однако советская страна распалась, как раз, большей частью, на самостоятельные этнические государства, а такое понимание патриотизма по-прежнему осталось у значительной части людей сорока-пятидесяти лет и старше. Однако его практически лишена огромная часть молодежи. Они уже не так близки к поколению «победителей», они не являются гражданами «сверхдержавы», представителями «советского этноса», их больше интересует повседневная жизнь отдельных людей, они, благодаря обилию информации и открытым границам, сравнивают ее с повседневной жизнью людей в других странах. И это ведет не просто к резкой смене духовных ценностей, это порой проявляется в утрате самого ощущения патриотизма, своей причастности к государству, стране, обществу.

Развитие событий показало, что трансформация содержательных структур менталитета – процесс длительный и болезненный, это связано со значительной инертностью и сопротивляемостью прежнего менталитета; с опасностью деструктивных последствий в результате его слишком быстрого разрушения и со сложностью формирования нового менталитета в процессе адаптации (иногда принудительной) людей к новым условиям жизни.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бутенко, А. П. Менталитет россиян и евроазиатство: их сущность и общественно-политический смысл / А. П. Бутенко, Ю. В. Колесниченко // *Философия и о-во.* – 2004. – № 4. – С. 89–106.